

полным денотативным эквивалентом украинского слова. В общественном украинском сознании дуля – символ презрения к собеседнику, к нему прибегают как к последнему аргументу в споре, она является более тяжелым оскорблением, чем русский кукиш. Поэтому он не имел бы в русском тексте таких культурно-исторических значений.

Наличие культурных и исторических коннотаций в словаре национальных языков ставит задачу их системного лексикографического описания. Современные двуязычные словари сообщают читателю информацию, которая позволяет лишь денотативный аспект лексики иноязычного текста. Задача словаря, видимо, должна состоять в том, чтобы способствовать полному осмыслению иноязычных текстов. Эта задача может решаться только в том случае, если двуязычный словарь сообщит читателю помимо денотативных значений историко-культурные сведения о словах. Это одна задача. В аффиксирующих языках более половины морфем имеют экспрессивно-коннотативное содержание. Системное представление коннотативных суффиксов в словарях, т.е. создания словарей коннотативных морфем – другая, не менее важная задача. Она ставилась в лингвистике еще в конце прошлого века [4].

Литература

1. Сопоставительное исследование русского и украинского языков. – Киев: Наукова думка, 1975. – 288 с.
2. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV-XVII вв. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
3. Пилинский Н. Н. Сопоставительно-стилистическая характеристика словообразовательных средств – В кн.: Ижакевич Г. П., Кононенко В. И., Пилинский Н. Н., Сиротина В. А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – Киев: Вища школа, 1980. – С. 95-112.
4. Говердовский В. И. О коннотационном морфемном словаре русского языка // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Материалы общесоюзной конференции. – М.: Институт русского языка, 1988. – С. 28.

Голикова О. Н.

ИНФИНИТИВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Как отмечает В. В. Виноградов, «в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка» [1]. Посредством общенародного языка воплощается художественный замысел поэта. По мнению Б. А. Ларина, характерным свойством художественной речи является ее семантическая осложненность [5]. Качественное преобразование слова в художественном тексте приводит к необходимости выделения особой семантической категории – эстетического значения слова. Такое значение проявляется в «оттеночной» функции слова, которая раскрывается в окружении примыкающих слов на основе ассоциаций. Смысловое обогащение произведения происходит, таким образом, за счет «взаимодейственной совокупности слов», которая дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов [5, с. 35-36].

Многие новые семантические функции словоформ в художественном тексте в значительной мере ложатся на плечи грамматики. «Грамматическая форма означает сразу и то, что она означает обычно, и то, что за этим обычным значением раскрывается как художественное содержание данной формы» [2, с. 250]. «Из всех областей речевой деятельности именно поэтическое творчество наделяет «языковые функции» наибольшей значимостью» [11, с. 464].

Языковые единицы, наделенные выразительными возможностями, являются стилистическими ресурсами языка: эмоционально-оценочными, образными, экспрессивными. Выразительный потенциал фонетики, лексики и фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса изучает стилистика ресурсов (по определению В. П. Москвина) [6], или структурная (аналитическая) стилистика. Одним из ее направлений является синтаксическая стилистика, которой посвящены, например, работы Т. И. Сильман и Г. Я. Солганика [8, 9].

В данной работе мы ставим целью выявить эстетические функции инфинитива в поэтическом тексте, сформированные на основе его стилистического потенциала.

Инфинитив – исходный элемент глагольной парадигмы. Как неспрягаемая глагольная форма он лишен формального выражения важнейших грамматических категорий – наклонения, времени, лица, рода, числа. Обладая минимальной частно-грамматической информацией, неопределенная форма глагола выражает в наиболее чистом виде идею процесса. Инфинитив называет действие как отвлеченное понятие, как возможное свойство предметов. Отсутствие ряда грамматических характеристик в этом первичном представлении о действии позволяет сфокусировать внимание на его лексическом значении. В художественной речи используются, как правило, глаголы достаточно яркой семантики, поэтому их неопределенные формы могут стать в условиях контекста средством речевой конкретизации. Вспомним пушкинские строки:

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...* (Пушкин. «Евгений Онегин»)

Инфинитив, выступая в качестве «глагольного номинатива» (определение Виноградова), по своей функции приближается к прилагательному: его назначение – показать отличительные признаки предмета, лица. Но если прилагательные указывают на статические признаки, то инфинитив называет те свойства, которые проявляются в динамике, в данном примере – реализуются в поведении героя. Русские грамматисты высказывали мысль о том, что в инфинитиве потенциально заложено отношение к лицу. Это позволяет употреблять инфинитив вместо личных форм глагола: *Я бежать – ноги не несут; Она кричать – никто не слышит*. При этом неопределенная форма глагола получает значение изъявительного наклонения и может успешно конкурировать со спрягаемыми глагольными формами в экспрессивной речи.

В структуре предложения инфинитив обладает широким функциональным спектром: он может выступать в роли как подлежащего или части сказуемого, так и в качестве любого второстепенного компонента предикативной модели. «Помимо участия в распространении грамматической основы, инфинитиву присуща

способность к обособлению, осложняющему элементарную линейную цепочку членов предложения введением добавочного сообщения о ситуации» [7].

Осложняющие группы с инфинитивом активно употребляются в стихотворных жанрах с конца 18 века, то есть уже в карамзинский период:

*Он знал обязанность царей –
Быть провидением людей!* (Карамзин)

Н. В. Патроева отмечает, что «семантический спектр обособленного инфинитива не слишком богат: в составе осложняющей группы это глагольное слово выражает определительно-конкретизирующее или целевое значения» [7, с. 52]. В подтверждение автор статьи приводит примеры:

*О, Амофион!..
...дар твой: говорить стенам
В наследство не достался нам. (Жуковский)
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Твой взор, что небо жалостью зажгло.* (Лермонтов)

Следует отметить, что в качестве мощного стилистического средства обособленные инфинитивы и их ряды активизируются в поэтическом тексте в ходе эволюции поэтического языка в 20 веке. Стремление поэта зафиксировать ход внутренних ассоциаций ведет к новым структурным образованиям в поэтическом языке. При этом логическая связь может быть затемнена. Смысловые связи в таком поэтическом тексте не очевидны, они не лежат на поверхности. Это связи глубинные, отображающие состояние поэта в момент поэтического творчества. Коммуникативная позиция автора влияет на степень неопределенности текста (согласно концепции Ингардена о «неполной определенности» художественного образа) [4]. Чем сильнее ориентация на внутреннюю речь (то есть автокоммуникацию), тем больше для реципиента степень неопределенности в художественном тексте.

Повышение степени неопределенности происходит в поэзии 20 века и в области семантики слова. Неопределенная многозначность слова, присутствие в его семантике целого спектра значений соответствует тому размытию семантических границ слова, преобладанию смысла слова над его значением, которое имеет место во внутренней речи. Во внутренней речи, по словам Л. С. Выготского, смысл слова «определяется всем богатством существующих в сознании моментов» [3, с. 43].

Вышесказанное в полной мере относится к характеристике инфинитива как с точки зрения эстетического значения слова, так и с точки зрения его стилистического потенциала. Ярко раскрывает поэтическую сущность инфинитива стихотворение нашего современника, который творит под псевдонимом Stray Cat:

ИНФИНИТИВЫ

*Любой глагол сейчас инфинитив –
и я болеть, смеяться, петь и плакать,
я принимать микстуры и облатки,
я от души пытаться всех простить.
Сближение – касаньем по кривой.
Убогие январские рефрены.
Но остается то, что неразменно.
Спаси его. И сохрани его.*

9.01.03

В данном примере инфинитивы являются красноречивым средством пространственно-временной и в то же время психологической, душевной неопределенности лирического героя (автора). Неопределенная форма глагола, многократно повторяясь, актуализирует семантику неопределенности субъекта, с которым она соотносится.

А. Н. Черняков указывает на инфинитивность как важнейшую стратегию автоматотекста, то есть текста, служащего поэту полем реализации его эстетических, лингвистических, поэтологических и т. п. рефлексий [10]. Наиболее очевидная семантическая функция инфинитивного письма в такого рода текстах – введение в более мягкой модальности, по сравнению с императивом, предписания, обозначения того, как можно/ следует/ необходимо творить поэтический текст (например, Маяковский «Как делать стихи»).

Выход за рамки повествования в область понятийную, в разряд определений, философских дефиниций происходит в поэтическом тексте, где доминантой является инфинитив, благодаря временной размытости этой грамматической формы: формальные указатели времени отсутствуют. Кроме того, сама форма инфинитива указывает на процессуальный признак – не соотнося его с субъектом. Его соотносительность с субъектом проявляется только в соответствующих словосочетаниях, например, инфинитив с личным местоимением (такое употребление является грамматически нетрадиционным). Уникальная лингвистическая природа инфинитива делает его средством отображения специфического авторского мировидения, средством создания необыкновенных пространственно-временных моделей. Так, например, инфинитивные ряды отображают циклическую модель времени в стихотворении Фета «Я пришел к тебе с приветом» или передают «логику бесконечного небытия» в стихотворениях Хармса.

В силу своей лингвистической природы, инфинитив называет действие как отвлеченное свойство предметов, выражая в чистом виде идею процесса. Отсутствие формальных показателей словоизменительных грамматических категорий позволяет использовать инфинитивы как средство вывода текста в область понятийную, трансформации конкретного повествования в отображение особого поэтического мировидения. Наше исследование приводит к мысли о том, что инфинитив способен создавать семантический эффект внутренней речи (потока сознания). Это является перспективой нашей работы. Таким образом, неопределенность, на наш взгляд, является основной эстетической задачей инфинитива.

Література

1. Виноградов В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания, 1954. – № 5.
2. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.; Л., 1934.
4. Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М., 1962.
5. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: избр. ст. – Л., 1974.
6. Москвин В. П. Стилистика рус. яз.: Теоретический курс. – М., 2006.
7. Патроева И. В. Инфинитивные обороты в системе поэтического текста / Русская речь, 2006. – № 3.
8. Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. – Л., 1967.
9. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. – М., 1991.
10. Черняков А. Т. Грамматико-синтаксические стратегии автомета-текстуальности. – Вестник гуманитарной науки, 1990. – № 1.
11. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – М., 1983.

Головко О. М.

НОВІТНЯ АНГЛОМОВНА АКТУАЛІЗАЦІЯ СТРУКТУРИ МІКРОГЕОГРАФІЧНОГО ОБ'ЄКТА

Постійні соціально-економічні зміни сучасного англомовного суспільства екстраполюються новітніми лінгвальними засобами англійської мови. Але крім соціально-економічних альтернатив, відбуваються і зміни в онтологічних модусах антропоного буття, що, як правило, є їх результатом. Одним із модусів, що зазнає переосмислення і потребує лінгвального аналізу є «місце» (локус). Новітні засоби мовної актуалізації стосуються абсолютно всіх рівнів екзистенції (глобальні територіальні об'єднання, новітні номінації країн, частин їхніх територій та міст). Залежно від форми міста, кількості його жителів та їхнього способу життя міста можуть отримати різноманітні номінації, що є узагальненими назвами для великої кількості населених пунктів.

Оскільки найважливішим аспектом співвідношення категорії простору і мови є відображення реального фізичного простору в одиницях і категоріях природної людської мови [1, с. 388], слід наголосити, що мова не лише репрезентує світ людини та її культуру, вона передає культуру від покоління до покоління, а тому відіграє вирішальну роль у формуванні особистості [2, с. 79-80], що є визначним при детермінації новітніх модусів антропоного буття. У зв'язку з наведеними причинами та недостатнім рівнем висвітлення аналізу локативних одиниць та топонімів у науковій літературі [1, 3, 4, 5, 6] наша робота набуває безперечної актуальності. Процеси постійного оновлення лексичної системи англійської мови та прогрес мови в абсолютно всіх сферах антропоного буття [3, 4, 7] перш за все маніфестуються значною кількістю неологізмів. Тому матеріалом нашого дослідження послужили інновації англійської мови (у сфері онтологічної таксономії).

Об'єктом нашої наукової розробки є процеси розвитку лексичної системи англійської мови, а предметом – лінгвальні та екстралінгвальні параметри, які є визначними для детермінації форми та змісту неологізмів, що актуалізують структуру населеного пункту. Метою нашого дослідження є аналіз інновацій англійської мови, що позначають структуру мікрогеографічних об'єктів (населених пунктів, місць тощо). Завданнями роботи – визначення екстралінгвальних факторів, провідних для актуалізації таких новітніх одиниць, та виокремлення лінгвальних засобів і словотворчих процесів, за допомогою та на основі яких відбувається маніфестація цих інновацій.

Вихідним критерієм географічної типології населених пунктів є розподіл на ті, що знаходяться в сільській та міській місцевостях. У сучасному англомовному суспільстві ці межі стають менш очевидними, чому існує два пояснення: розвиток новітніх технологій та значне поширення радіо і телебачення зменшують інформаційну диференціацію між особами, які проживають у цих типах поселень, а наявність різних видів транспорту зменшує їх різноманітність. Таким чином, відбувається конвергенція простору, що і підтверджує функціонування одиниці *rurban*, яка номінує територію, яка є чимось спільним між містом і селом, чи ту сільську місцевість, яка, завдяки великій кількості осіб, які працюють у місті, змінює свій вигляд і стає дещо схожою на міську місцевість. Інновація є телескопним утворенням, зрощеними формантами котрого є *rural* (сільська місцевість) та *urban* (міська місцевість).

Жилий район, подібний за структурою до міського, що розташований поза межами міста, маніфестується новітньою лінгвальною одиницею *penturban*, вихідними компонентами котрого є *pent* (загороджений, пов'язаний з фермою) та *urban* (міський). Одиниці *penturban* та *rurban* утворені за допомогою композитивів *pent*, *rural* та *urban*, що мають протилежні значення, тому вважаємо, що новотвори певною мірою є оксиморонами.

Залежно від різноманітних провідних екстралінгвальних факторів сучасні міста та містечка отримують англомовні узагальнюючі номінації, серед таких міст були нещодавно актуалізовані *ideopolis*, *aerotropolis*, *technopolis*, *shopopolis*, *micropolitan*, *nerdistan*, *cyberville*, *slow city* та *sprinkler city*. Слід зазначити, що в усіх цих інноваціях приналежність до населеного пункту є експлікованою за допомогою власне англійської одиниці *city*, грецької одиниці *polis* (її похідних *metropolis* та *metropolitan* – «рідне місто»), французької одиниці *ville*, суфіксоїда тюркського походження *-stan* (що був виділений з одиниць, які номінують країни *Afghanistan*, *Turkistan*, *Turkmenistan* та ін). В англійській мові всі зазначені словотворчі компоненти отримують семантику «місто», формуючи, таким чином, низку «гетерогенних еквівалентів» [4, с. 67].

Постспромислові міста, у яких значно домінує кількість жителів, що отримали інтелектуальні професії, здобувають номінацію *ideopolis*, що є зрощенням одиниць *idea* та *polis*. Найвідоміші університети з їхніми потужними науковими потенціалами також стають однією з основних причин виникнення «міст-ідеополісів» (*ideopolis*) [8, с. 70]. Місто, у якому широкого розповсюдження набули високі технології та проживають люди, чії професії пов'язані з ними, репрезентує новотвір *technopolis*. Синонімами до зазначених одиниць є новотвори *nerdistan* та *cyberville* – складні слова, компонентами яких є *nerd* (комп'ютерний профі) та *-stan* і *cyber* (кібер, інформаційний) та локативна одиниця *ville*, відповідно. Філософ Д.Кенні вважає, що сучасне суспільство стоїть на порозі п'ятої космології (після міфічної, божественної, механічної та органічної) творчого світу. Це – всесвіт творчого процесу, у якому людині дана можливість контролювати своє майбутнє [9, с. 3-4], що є результатом безперервного навчання людей в усіх без винятку типах поселень.